

Памяти моего Учителя..

Простое задание.

“Так ты говоришь, что хочешь стать художником? Это очень просто. Вот тебе простое задание.

Нарисуй, как бегает угольки закатного солнца по краешкам облаков, и какую грустную, неведомую песню несёт уставший ветер с того берега моря. А когда тень на древней скале прогонит последний золотой солнечный луч, изумрудные ящерицы и чёрные саламандры застынут до утра в расщелинах, а ёжики и норвежские лемминги протопают среди никогда некошенных трав и сказочных колокольчиков по одним им известным делам – именно в это самое время, где-то в холодном глубоком и тёмном фьорде – старая, огромная, почти слепая треска, случайно попадёт в гигантский бурлящий косяк скумбрии и будет истерзана острыми, безжалостными зубами одинаковых рыбин.

И только маленький лисёнок, выбежав случайно на дорогу, вздрогнет, повернув голову в сторону моря, поняв и ощутив всем своим существом, что случилось что-то страшное... Он слышит... А ты слышишь? Тогда у тебя есть шанс стать художником. Великим художником...”

Память избирательна. Что-то мы помним отчётливо и ясно, а какие-то детали со временем как бы растворяются, уходят от нас. Но в этом и ценность человеческой памяти, без которой невозможно, нельзя стать человеком..

Наверное, я счастливый человек, потому что в моей жизни произошла встреча с Георгием Николаевичем Антоновым. Именно это событие и определило мою дальнейшую судьбу. Сейчас, на шестом десятке лет, я могу сказать это определённо.

Я переступил порог городской художественной школы (тогда она находилась на канале Грибоедова) в начале июня 1979 года. К тому времени я уже три года ходил в другую детскую художественную школу в городе Колпино. Да, да, именно ходил и , в основном, рассказывал анекдоты с товарищами. Я знал для себя, что рисую неплохо, наверное лучше других, но никогда не думал всерьёз о профессии художника, как о главном деле в своей жизни. После окончания седьмого класса наша семья переехала в Ленинград, в квартиру бабушки и деда на Боровую улицу. Когда я уходил из колпинской школы, я помню слова моей учительницы Светланы Яковлевны Фалдиной. Она сказала, чтобы я не бросал рисование, а обязательно пришёл в городскую школу и поговорил с директором Георгием Николаевичем Антоновым, у которого, в своё время, училась и она. Честно говоря, я шёл на эту встречу без особого желания и энтузиазма. Это было начало лета и у меня имелись свои больше планы на ближайшее время. Я очень хотел поскорее уехать из душного большого города в Карелию к брату, где я родился и куда каждый год приезжал с радостью. Настроение у меня было никакое, так как уехав в Ленинград, я расстался со своими друзьями и с той беззаботной школьной весёлой жизнью, сменив на новую, неизвестную для меня. В сущности, в Ленинграде, в этом огромном, чужом городе у меня, кроме родных не было никого. Новая школа, новый двор, новые соседи. Мне 14 лет, а в этом возрасте такие перемены проходят непросто. Так или иначе – шаг был сделан, и я открыл тяжёлую дубовую дверь, которая со временем, станет для меня такой родной. Даже сейчас, спустя 37 лет, когда я прохожу или проезжаю мимо здания школы на углу канала Грибоедова и улицы Ломоносова, я испытываю волнение и радость, как от встречи с чем-то давним, но близким и родным.

Меня поразило тогда, что здание находится в красивейшем месте, в центре города. Рядом Невский проспект, Казанский собор, Гостиный двор, Банковский мост с Грифонами. Я отрыл дверь и вошёл. На лестнице были развешены метровые планшеты с высказываниями «великих» об искусстве. Они были выполнены красивым прописным шрифтом. «Нет плохих учеников, есть плохие учителя..», « Архитектура есть застывшая в камне музыка..», « Возьми этот лист бумаги и заполни его, да так, чтобы было интересно.. М. А. Врубель». Леонардо да Винчи, Микеланджело Буанаротти и другие великие мастера делились своей мудростью с тобой с первых шагов в этих стенах. Поднявшись на третий этаж, я увидел великолепные работы, которые висели в больших рамах под стеклом. Это были ученические работы – рисунки и акварели. Я отметил про себя, что в Колпино, в

своей бывшей школе, работ такого уровня я не встречал. Из кабинета, через открытую дверь, доносился низкий спокойный ровный голос. Директор был занят разговором с посетителем. Он попросил подождать. Мне показалось, что он очень строгий. Я сидел в коридоре, разглядывая внимательно работы на стенах. Поразила меня тогда и огромная декоративная доска с панно на тему Древней Руси, на которой были изображены мечи, щиты, колчаны со стрелами. Я любил рисовать всё на военную тематику и неплохо в этом разбирался. На меня произвело большое впечатление, как мастерски и серьёзно изображены военные доспехи и оружие. В тоже время, было это гармонично и красиво по цвету и безупречно скомпоновано.

И вот, чем дольше я сидел и думал, тем больше мне хотелось встать и уйти. Я понимал, что в папке, которую я принес, чтобы показать, уровень - не тот. Внезапно вышел директор. Пожилой, худощавый человек в темно-сером костюме, белоснежная рубашка с накрахмаленным воротником, галстук. Прямые, зачесанные назад волосы открывали лоб. Умное серьезное лицо с очень внимательными серыми глазами придавали Георгию Николаевичу какую-то суровую мужскую красоту. Директор как-то сразу располагал к доверию.

Я пришёл со своей мамой (просто, если бы не её настойчивость, я бы сам не предпринял такой шаг, а она говорила, что я должен закончить четвёртый год обучения), поэтому мне понравилось, как директор галантно и очень просто начал разговор. Он спросил, сколько мне лет, где учился. Внимательно, долго и молча смотрел работы. Спросил, хочу ли я продолжать учиться. Я всё это время рассматривал обстановку и вид из окна с широким подоконником, на котором росло лимонное дерево с плодами. Наверное, это лучший вид на канал Грибоедова. Видно, как канал поворачивает, видны мостик с крылатыми львами и люди, по-летнему одетые, идущие по своим делам.

Вдруг Георгий Николаевич задал вопрос маме – что, по её мнению, более красивое – павлинье перо или берёзовое замшелое полено, которое он поднял с пола. Мама удивилась. А Георгий Николаевич сказал, что умение художника состоит в том, чтобы видеть и передать красоту простых вещей.

Вот наш диалог с Георгием Николаевичем:

Г.Н. – Чем собираешься заняться летом?

Я - Поеду в Карелию, в город Медвежьегорск, куда каждое лето на каникулы отправляюсь.

Г.Н. – А рыбалка там есть?

Я - Да, я люблю ловить рыбу.

Г.Н. – Это хорошо, не забудь взять с собой бумагу и акварель, чтобы поработать с природы. Рисуй всё, что тебе интересно. Ведь кроме тебя этого никто не видел. Приедешь, покажешь мне. Заниматься будешь в моей группе. А когда отъезд?

Я - Через неделю.

Г.Н. – Неделю можешь приходить сюда и работать, например, нарисовать натюрморт.

Я - Так ведь лето, школа не работает – каникулы.

В ответ Георгий Николаевич предложил нам зайти в класс, где я с удивлением увидел 5-6 человек, которые сосредоточенно работали: – Кто-то готовится поступать в училище, кто-то в «Муху», а кто-то для себя, для души работает. Так что не теряй времени, завтра жду.

Так состоялась моя первая встреча с моим Главным Учителем в искусстве и в жизни.

Конечно, каждый человек неповторим. Но, вспоминая Георгия Николаевича Антонова – шефа, как мы все его называли, я попробую сформулировать, в чём же уникальность и масштаб этого человека. Пожалуй, в его умении, таланте общения с людьми. Он мог говорить абсолютно с любым человеком на одном языке, - и с подростком, и с простым работягой, и с чиновником самого высокого уровня, - одинаково легко и просто. Я думаю, что это жизненный опыт (Георгий Николаевич прошёл войну) и необыкновенная артистичность, его удивительное чувство юмора, умение грамотно выражать мысли и искреннее, доброе отношение к людям, желание помочь, поделиться своими знаниями и навыками. Для каждого он мог найти нужное слово, привести пример из искусства, из жизни. Он был тонким психологом, знал, кого и когда нужно похвалить, а кого и поддеть необидно и незло, так, чтобы работа сдвинулась и шла быстрее.

Его «приколы»-шутки не обижали и вспоминались потом по истечению многих лет, а уж похвала из его уст – окрыляла. Знать цену слову, понимать силу его воздействия на человека может только тот, кто знает и любит литературу. Шеф был именно таким. Обладая прекрасной памятью, он на каждую ситуацию мог найти цитату из классики. Любил Лермонтова, Чехова, Пушкина, Константина Коровина. Я помню, когда начался учебный год, - первые 4 – 5 занятий Шеф в класс не заходил. Он был в своём кабинете. Принимал посетителей, решал вопросы повседневной школьной жизни. Меня это удивило. В Колпино преподаватель был на каждом занятии, что-то объяснял, делал замечания по дисциплине. Здесь было всё по-другому. Ребята сами приходили, сами ставили себе задачи и решали их. Никакой болтовни и глупого «треска» ни о чём. Сосредоточенная серьёзная работа на каждом занятии. Я с удивлением обнаружил, что если не отвлекаться на ерунду, то задания можно делать быстро. Поскольку я ещё никого не знал, то трепаться мне было не с кем. Удивляла степень доверия педагога к ученикам. Отношение было как к равным, как ко взрослым, серьёзным людям. Я понял, что к концу первой учебной недели я закончил рисунок натюрморта, что для меня было крайне быстро, так как подобное задание я мог делать в предыдущей школе месяц, полтора, а то и два.

О натюрмортах хочу сказать особо. Как правило, они составлялись из простых, в основном, деревенских, предметов. Кувшин, корзина, бутылка, деревянная ложка, кружки, простые, непёстрые драпировки локальных цветов, рогожа, сито, муляжи овощей, фруктов, грибов – вот типичный набор предметов, из которых составлялись

натюрморты. Но каждый раз в новом натюрморте эти предметы звучали по-новому, сохраняя какую-то общую мелодию. Потом, на просмотрах или выставках, без труда можно было узнать работы учеников Шефа.

Почему Георгия Николаевича между собой называли Шефом? Во-первых, естественно, Шеф – это значит, главный. Строгий, но справедливый. Не помню, чтобы он когда-нибудь сделал замечание не по делу. С другой стороны, вокруг директора был какой-то ореол таинственности, ощущение легенды. Весь его вид, поведение, напоминали предводителя, «главаря» какой-то «итальянской мафии». Конечно, это была смешная игра, в которую все с удовольствием играли. Казалось, что ты принадлежишь к какой-то избранной тайной организации и получаешь советы или похвалы от главного. На самом деле мы действительно становились командой, а не просто учениками группы №4. Позже я понял, почему. Шеф умел заинтересовать ребят, собрать и сплотить вокруг себя неравнодушных к искусству, жадных до новых открытий. Некоторые из нас получали «прозвания», как говорил Шеф. Это была не кличка и не прозвище. Это было именно Прозвание. У великих художников были прозвания. Например, «Тьеполо» - разбойник, «Эль Греко» - грек, Вермеер Дельфтский и т.д. . Если Шеф давал прозвание, значит, это был серьёзный комплимент с его стороны. Мы до сих пор так и знаем друг друга . Не по фамилиям. Петро, Брюллов, Паганини, Холик, Сальватор, Сциллард. Конечно, все прозвания были шуточные. Помню, тогда учились два брата – близнеца Масловы. Оба были с длинными светлыми волосами и деревенской внешностью. Чтобы не путать, Шеф их называл «лохматый чёрт» и «шибко лохматый чёрт». Это было по-доброму и неизменно вызывало улыбки.

Со мной получилось довольно смешно. Когда я учился в Колпино, мы приходили в класс и брали там бумагу, карандаши, резинки, кнопки для бумаги, если забывали взять из дома. В городской школе бумагу можно было получить лично у Шефа. Он всегда с таинственным и торжественным видом доставал лист из пачки в его кабинете, при этом ему обязательно нужно было потрясти этот лист до характерного звука, напоминающего раскаты грома. Это предвещало, что готовящаяся работа должна будет затмить всё, что было сделано учеником до этого момента. Пишу и улыбаюсь. Как это настраивало на хороший лад!

Карандаш – это личный инструмент. У каждого он должен быть своим. Шеф говорил, что карандашом «Конструктор-М» можно нарисовать всё, если правильно его заточить. На конце грифеля делался дополнительный срез под углом и получалась небольшая плоскость, которая позволяла делать мягкую ровную штриховку и, в то же время, с острого края можно выделить тончайшие детали. Я понимаю, что это его личный опыт, перебирая великолепные рисунки, наброски и зарисовки Шефа, которые, на мой взгляд, стоят в одном ряду с рисунками Васильева, Шишкина, Врубеля. Этим его советом я пользуюсь до сих пор.

А вот с кнопками, которыми мы прикрепляли бумагу к планшетам, была беда. Приходилось вытаскивать их отовсюду, где найдёшь. Как-то я не выдержал и зашёл к Шефу. Сказал, что в колпинской школе у нас были общественные кнопки. Шеф бросил на

меня испепеляющий взгляд. «Да, и общественные карандаши и резинки!», - продолжил я. Шеф начал насвистывать и в его глазах затаилась хитрая улыбка. Кнопок я не получил. На следующей неделе Шеф появился в классе с огромной кистью – «медвежьей лапой», с которой он частенько заходил к нам на занятия и кого-то ею поглаживал (особенно смешно, если это была девушка с причёской), а кого-то мог и легонько «припечатать», что тоже вызывало положительные эмоции.

Изящно помахивая кистью в руке, Шеф театрально подчёркнуто произносит фразу: «Тамань самый скверный городок на юге России. Я там чуть не умер с голоду и вдобавок меня хотели утопить...» Тишина, бурные овации!». после этого, в шутку, он начинает нас выметать из класса «медвежьей лапой».

Мы иногда вольно обходились с расписанием и занимались только живописью и рисунком, игнорируя историю искусств и лепку. На этот раз был черёд лепки. Что-то мы там лепили из глины. Помню, я слепил двух работяг-дорожников. Ходил я в школьной форме, так как после обычной школы сразу ехал в художественную, и к концу занятия лепки я свой пиджачок школьный уделал. Отмываясь, я поделился с Натэллой Ивановной Чекмез, нашим педагогом по лепке, своими воспоминаниями о колпинской школе - о том, что в Колпино на занятиях по лепке у нас были общественные халаты, что очень понравилось Натэлле Ивановне... Но сделал я это зря!

После нашего разговора прошло дня два. И вот дверь класса открывается, и Шеф подчёркнуто театрально и с дурацки смешным выражением произносит одну из вечных фраз: «И жизнь хороша! (эта часть фразы произносится подчёркнуто громко и восторженно, а затем – быстро, тихо и скороговоркой, - вторая часть фразы) - в городской художественной школе!». «В городской художественной школе!» - мы дружным хором повторяли эту вторую часть вечного девиза. Затем – пауза, и Шеф произносит: «Общественные кнопки... Общественные карандаши... Общественные резинки... Общественные халаты.... Ему понадобились... Надо же, какой общественник!» Шеф уходит. Всё, занавес! Тогда я осознал, что означали его мурлыканья, хитрый взгляд и посвистывания. Так прозвание закрепилось за мной. Мне оно не нравилось. Какое-то не как у художников. Я пробовал позже опротестовать и дать мне другое прозвание, но Шеф только хитро улыбался и начинал насвистывать и мурлыкать. Память у него была хорошая. Со временем я смирился и привык.

Как-то позже, уже учась в Академии художеств, я пришёл в школу навестить Шефа. Поднимаясь по знакомой скрипучей лестнице, я услышал разговор двух учениц:

- А ты знаешь, кто этот рисунок сделал?

- Общественник.

- Интересно, он сейчас живой?

- Да ты что, сейчас так не рисуют. Конечно, нет, вон - и бумага жёлтая.

Я чуть не раскололся пополам от смеха. Когда я рассказал об этом диалоге Шефу, мы вместе смеялись. Он эту историю любил, сказав, что прозвание своё я прославил.

Вообще, те, кто когда-то учился в школе, тем более, непосредственно у Георгия Николаевича, по возможности навещали свою художественную школу. Была какая-то потребность увидеть знакомые лица, поделиться своими успехами или трудностями, показать свои работы, услышать мудрый совет. Наверное, таким и должно быть отношение к Учителю. Ведь Учитель – не только наставник в искусстве, в какой-то узкой области, в каком-то виде деятельности, но и человек неравнодушный, внимательный к жизни своих учеников. Как это важно было в моменты радостных событий, а особенно – когда трудности буквально наваливались на тебя, - придти в школу и услышать спокойный, ровный голос, увидеть всё понимающие глаза. В такие моменты у меня было ощущение, что все бури, все жизненные ураганы остались где-то там, за дверью. А здесь, внутри этих стен, - как-будто время остановилось, и ты находишься в тихой гавани, чтобы пополнить силы и жизненные запасы, а затем успокоиться мудрым словом и двинуться вновь в бушующее море действительности. Казалось, что так будет всегда. Пока жив Шеф.

Мне очень не хватает Шефа. О скольком я хотел бы у него спросить сейчас, скольким поделиться... Но время неумолимо. С годами начинаешь понимать, что после тебя останется то, что ты сделал, только это и ничего более. Я очень многим обязан Георгию Николаевичу. Шеф дал мне правильные ориентиры в жизни, в искусстве. Это как прививка от страшных болезней. Поэтому говорю ему «Спасибо!», к сожалению, с опозданием.

Однажды на день рождения Георгия Николаевича я подарил ему свой этюд с летней практики в Пушкинских горах, тогда я учился на первом курсе Академии художеств. Это этюд баньки «по-черному». Шефу «Банька» очень нравилась. На обороте я сделал надпись «Первому и Главному Учителю». Позже, когда Георгия Николаевича не стало, Нина Егоровна вернула мне работу, взяв с меня слово, что я её не продам. Стоит ли говорить, что это было лишним, я и сам никогда бы не смог такого сделать, ведь это – память об Учителе. Висит этюд у меня в мастерской и греет мне душу сознанием того, что, глядя на эту мою студенческую работу, когда-то радовался Шеф...

А ещё есть у меня альбом В.А.Серова, подаренный когда-то Георгием Николаевичем, с дарственной надписью «Любимому ученику». Эту книгу мы часто смотрели, Шеф рассказывал различные истории из жизни художников, из своего творческого опыта. По тем временам книга была очень редкая и роскошно сделана. Сейчас, конечно, можно найти любое издание, но для меня по сей день это самая дорогая книга.

В феврале – марте 2017 года в залах Санкт-Петербургского Союза художников состоялась выставка, посвящённая столетию со дня рождения Георгия Николаевича Антонова. Он был очень скромным и целиком посвятил себя преподаванию. И только

сейчас мы узнали, каким талантливым художником и великолепным мастером был наш Учитель.

Я искренне желаю каждому встретить на жизненном пути своего Учителя с большой буквы. Таким человеком для меня навсегда останется Георгий Николаевич Антонов. И лучшей памятью этому великому педагогу и талантливому художнику будет присвоение его имени школе, которую он создал и поднял на большую высоту. Это будет справедливо и по-человечески.

Художник Алексей Валентинович Филиппов («Общественник»).